

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ: ОБЩНОСТИ И ИХ ФУНКЦИИ

УДК 930 (4)“19/20”+94(4)“05/14”

П.Ю. Уваров

ОБЩИНЫ, ОБЩНОСТИ И МЕДИЕВИСТЫ¹

Дискуссии о судьбах общинной теории обретают неожиданную актуальность в связи с проблемой средневекового «коммунитаризма». Совмещение ракурсов, предложенных немецкими медиевистами (П. Бликле, О.-Г. Эксле), с достижениями французских и англоязычных историков, спорящих по поводу «феодальной мутации», дает новые результаты. Процесс изменения структуры поселений был достаточно плавным, уходящим корнями в каролингскую эпоху и завершенным в XII–XIII вв. Однако качественные изменения социальной структуры Запада, увенчавшие этот процесс, были несомненными. Все пространство средневекового Запада было покрыто сетью, в ячейки которой оказалось включено большинство населения. Наряду с приходами и сеньориями, к этим ячейкам относились и общины. В современной историографии некоторые авторы именуют их «общиной жителей» (*communauté des habitants*), которую можно перевести как «территориальную общину», поскольку ее основной функцией было обеспечение исключительного доступа к ресурсам данной территории. В качестве «доказательства от противного» в статье предпринимается попытка применить это понятие к некоторым общностям, заведомо не имеющим аграрного характера.

Ключевые слова: община, общинная теория, «университас», «коньюрацио», «объединение», «феодальная мутация».

COMMUNITIES, COMMONALITIES, AND MEDIEVALISTS

Debates on communal theory and its destiny have got an unexpected relevance in connection with the issue of medieval «communitarianism». Combining research approaches of German medievalists (P. Blickle, O.-G. Oexley) with ideas of French and Anglophone historians arguing about «feudal mutation» yields new results. The process of the transformation of settlements» structure was gradual enough, having been rooted in the Carolingian period and completed in the 12th–13th centuries. However, qualitative changes of the social structure of the Western society that topped this process were unquestionable. The whole expanse of medieval West was covered by a net which cells happened to encompass most of the population. Along with parishes and lordships (*seigneurie*), these

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта «Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования» (проект 16-18-10393).

cells also included communities. Nowadays some historians call them a «community of inhabitants» (*communauté des habitants*), which can be translated as a «territorial community», as its main function was to ensure exclusive access to resources of the territory in question. Using the rule of contraries, this article presents an attempt to apply this concept to some commonalities of a definitely non-agrarian nature.

Keywords: community, communal theory, *universitas*, *conjuratio*, *encelullement*, «feudal mutation».

Когда 23 января 2017 г. в ИВИ РАН обсуждали книгу Л.Б. Алаева, то каждый из многочисленных выступавших начинал свою речь с того, что работа в целом понравилась. Но чаще всего мягко указывалось, что именно в том регионе, которым взявший слово занимается, община все-таки была. Или же, соглашаясь с общими выводами книги, он сожалел, что автор не учел некоторых важных работ (прежде всего текстов самого выступавшего), без чего издание теряет свою полноту и актуальность. Однако защитников критикуемой *общинной теории* не нашлось. Поэтому при неподдельном уважении к автору в реакции участников можно было различить легкое недоумение: 30–40 лет назад борьба с данной теорией была бы уместна, но разве сегодня кто-нибудь из солидных историков руководствуется «романом, вписанным в историю» как универсальной отмычкой для понимания исторического процесса?

На самом деле, книга Л.Б. Алаева не про то, что «общины не было». И не про то, что вообще писалось по этому поводу, – на библиографическую полноту, достойную В.Н. Никифорова², Леонид Борисович явно не претендует. Нет у него также ни пространного концептуального осмысления феномена общины в истории, ни строгого и непротиворечивого его определения. Автор написал (и блестяще написал!) о другом: на каких основаниях возникла *общинная теория*, как одно утверждение автоматически вело за собой другое, как в результате сформировалась и укрепилась самодостаточная теория, претендующая на универсальность, не только блокирующая историческую интуицию исследователя-эмпирика, но и заставляющая его, невзирая на факты, видеть в обществе прошлого именно то, что и предписывала эта теория.

Но если на сегодняшний день никто из профессиональных историков не рассматривает прошлое в подобном ключе, то стоит ли бороться с призраками прошлого?

Дело в том, что *общинная теория* никуда не делась. Слишком многое на ней держалось и в научном, и в околонучном знании.

² Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975.

Если говорить о нашей стране, то община была необходима для описания «процесса феодализации», через нее объяснялось почти все. Например, взять такой важный для средневекового права институт, как аллод. В Советской исторической энциклопедии соответствующая статья гласила, что «ранний аллод возникает в условиях земледельческой общины, фактически в виде совместной земельной собственности членов большой семьи (...) В результате разложения земледельческой общины ее члены приобрели неограниченное право распоряжения земельным аллодом, превратившимся в свободно отчуждаемую земельную собственность малой индивидуальной семьи в общине-марке (...) В условиях зарождения феодальных отношений возникновение аллода – частной собственности на землю, превратившейся в объект дарений, купли-продажи и т.д., привело к резкому углублению расслоения, к возникновению социального неравенства в среде общинников, постепенной утрате большинством из них своих наделов, с одной стороны, образованию и росту крупного феодального землевладения – с другой»³.

Не беда, что никто из многочисленных средневековых юристов, писавших об аллоде, насколько я знаю, никогда не вспоминал при этом об общине. Зато в общинном ракурсе институт аллода осознавался как исключительно важный элемент в развитии общества, приобретая подлинный историзм.

Да, сейчас так не пишут. Но разве такое забывается? В ходе работы над вторым томом «Всемирной истории» стало очевидно: когда авторы хотят сказать о неэлитарных слоях населения, они за неимением лучшего используют удобное слово «общинники». В большинстве наших университетов студенты в рефератах и докладах демонстрируют приверженность *общинной теории* по той простой причине, что компилируют свои тексты при помощи Интернета, а на ресурсах, представленных в первых ссылках, эта теория и не думала уходить в прошлое. Да что студенты! Наши философствующие политики и политизированные философы/культурологи азбучной истиной полагают оппозицию извечно-общинной, коллективистской России индивидуалистическому Западу. При этом часто ссылаются на «Великорусского пахаря...» Леонида Васильевича Милова⁴, получившего Государственную премию в 2000 г. Напомним, что теория Милова отличалась завидной стройностью: извечно

³ Абрамсон М.Л. Аллод // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 411–412.

⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

неблагоприятные климатические условия делали необходимой совместную обработку земли. Поэтому уходящая корнями в седую древность русская община извечно определяла специфику нашей истории и этнопсихологии, ориентацию на сплоченность, равенство, коллективные ценности. И, действительно, если в XIX в. такой пережиток, как уравнильные переделы земли, демонстрировал устойчивость, то сколь же крепки были общинные порядки за пятьсот лет до этого? Ну, а если источники той отдаленной эпохи о передельной общине умалчивают, то, значит, мы просто не умеем их читать.

Да, в последних изданиях учебников об общине стали говорить осторожнее, но это мало что изменило. Сила *общинной теории* не только в громадном научном обаянии ее творцов (чего стоит одна лишь личность А.И. Неусыхина!), а в том, что она была парадигмой, т.е. системой научных установок, представлений и терминов, объединяющей большинство членов научного сообщества. Она была целостной, она все объясняла. И, кстати, бороться с ней пытались именно как с парадигмой, полагая, что указания на отсутствие упоминания об общине в 45-м титуле Салической правды или на отсутствие археологических свидетельств о коллективных поселениях германцев в Ютландии сразу же обрушат все здание *общинной теории*⁵.

Но можно ли эту парадигму заменить чем-нибудь другим?

Утверждение «все было гораздо сложнее и везде все было по-разному» будет абсолютно верным. Но даже если для наглядности его подкрепить известной гравюрой Камилля Фламариона, на которой изображен средневековый пилигрим на краю Земли, заглянувший сквозь занавес небесного свода и с изумлением вззирающий на колеса и шестеренки сложнейшей небесной механики⁶, конкурировать с убедительной в своей простоте универсальной *общинной теорией* будет трудно. Новую парадигму на этом создать маловероятно, да и не ушел ли в прошлое век парадигм в исторической науке?

Проще констатировать, что община никогда не существует «сама по себе» и что изучать ее можно только в общем контексте социально политического развития. Но чтобы двигаться дальше, нужна и чаемая участниками обсуждения кооперация историков, этнологов, археологов, лингвистов (и географов, добавлю я от себя), нужна тщательная работа над терминологией и понятиями, нужен разговор о непереводаемом на другие языки соотношении слов «община» и «общность».

⁵ См. реплику А.С. Щавелева в этом номере.

⁶ *Flammarion C. L'atmosphère: Météorologie populaire*. P., 1888. P. 163.

Можно ли без этого всего обойтись? Конечно, можно, если не задаваться вопросом об устройстве и о динамике средневекового общества, концентрируясь на других, столь востребованных публикой частных сюжетах. В противном случае разговора о средневековом «коммунитаризме» не избежать.

В средневековую эпоху на Западе (и, конечно, не только на Западе) существовало множество общностей разного уровня, выполнявших разные функции. Примечательно, что Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН начал новую эпоху в своем развитии (связанную не только с политическими изменениями в стране, но и с приходом к руководству нашим коллективом д.и.н. А.А. Сванидзе) с большой конференции, посвященной многообразию средневековых общностей⁷. И в дальнейшем мы эту тематику не оставляли. Изучение общностей позволяет понять механизмы самоидентификации средневекового человека или устройство средневекового социума и ответить на важнейшие вопросы о его динамике, как атрибуте пресловутого «европейского чуда». Но вопросы об истоках динамизма средневекового общества так или иначе выводят на споры *мутационистов* и *антимутационистов*, более известные в нашей историографии как дебаты по поводу «феодальной революции»⁸.

Об этом писалось немало, в том числе и на страницах журнала «Средние века»⁹, однако, возможно, недостаточно много, учитывая

⁷ Конференция состоялась в 1991 г., а сборник ее материалов вышел в следующем году: *Общности и человек в средневековой Европе* / отв. ред. А.А. Сванидзе. Москва; Саратов, 1992.

⁸ *Бессмертный Ю.Л.* «Феодальная революция» X–XI веков? // *Вопросы истории*. 1984. № 1. С. 52–68.

⁹ *Решин А.И.* Ещё раз о «феодальной революции» и источниках ее изучения в монографии Д. Бартелеми «Имела ли место революция тысячного года?» // *Средние века*. 2001. Вып. 62. С. 166–186; *Он же.* Дар и некоторые аспекты проблемы становления феодализма в современной медиевистике // *Средние века*. 2004. Вып. 65. С. 3–44; *Щеглов А.Д.* «Феодальная революция» и насилие: дискуссия в журнале «Past and Present» // *Средние века*. 2001. Вып. 62. С. 187–194; *Он же.* «Феодальная мутация»: шведский вариант? (Обзор материалов сборника: *Birger jarls tid – en brytningstid?* Stockholm, 2002) // *Средние века*. 2005. Вып. 66. С. 128–140; *Уайт Стивен Д.* Переосмыслить насилие: из двухтысячного года в тысячный / пер. И.В. Дубровского // *Средние века*. 2004. Вып. 65. С. 45–60; *Селунская Н.А.* Эта банальная банальная сеньория (специфика итальянской историографии вопроса) // *Средние века*. 2004. Вып. 65. С. 61–74; *Бартелеми Д.* Двор князя и подъем рыцарского посвящения в Нормандии в XI–XII веках / пер. с франц. Е.Ю. Акимовой; под ред. А.А. Майзлиш // *Средние века*. 2010. Вып. 71 (1–2). С. 37–49.

значимость самой дискуссии. Напомню, что еще в 1950-х годах Жорж Дюби настаивал на радикальном, быстром, практически «революционном» разрыве с каролингскими традициями после Тысячного года. Воины-рыцари захватывают публичную власть, навязывая обществу свои ценности и свое право. Присвоение местными сеньорами публичной власти, установление более плотного контроля над крестьянами приводит к интенсификации производства. Завоевав умы солидных сторонников и войдя в учебную литературу, эта теория с конца 1980-х годов начала подвергаться критике. *Антимутационисты* (например, Доминик Бартеlemi и Режи́н Ле Жан) утверждали, что эта модель не может в равной мере применяться ко всем регионам, что изменения были растянуты во времени, что многое из приписываемого периоду после Тысячного года наблюдалось и в эпоху Каролингов, а, с другой стороны, многое, приписываемое «феодальной революции», было продуктом более позднего времени.

Несмотря на триумфальные заявления *антимутационистов*, вряд ли их можно считать победителями – они так и не предложили своего целостного объяснения успехов Запада после Тысячного года. Речь идет, скорее, о компромиссе. Рассматриваемые изменения теперь видятся растянутыми во времени, занимающими не десятилетия, а полтора-два века. Терминологические новшества на проверку оказались не такими уж новшествами и не обязательно отражали свершившиеся социальные перемены. Постулаты *мутационистов* не всегда подтверждаются археологическими материалами¹⁰.

Но само по себе обретение обществом XI–XII вв. принципиально нового качества отрицать трудно. В немалой степени базой этих изменений стало то, что Робер Фоссье назвал словом *encellulement* (*объячеивание*)¹¹. В результате этого процесса пространство Западной Европы оказалось окутано сразу тремя видами сетей – сеньориями, приходами и общинами. В идеале (но отнюдь не всегда) ячейки этих сетей налагались друг на друга: сельская община совпадала с приходом и сеньорией. Рядом с поселением высился замок (уместно вспомнить еще один специфический термин – *incastellamento* (*озамкование*) Пьера Тубера), в центре располагалась церковь и прилежавшее к ней кладбище, являвшееся сакральным

¹⁰ *Watteaux M.* À propos de la «naissance du village au moyen âge»: la fin d'un paradigme? // *Études rurales.* 2003. N167–168. P. 306–318.

¹¹ *Fossier R.* Enfance de l'Europe, Xe–XIIe siècles: Aspects économiques et sociaux. P., 1982.

центром общины¹². Эта система достаточно прочно фиксировала население и в дальнейшем демонстрировала солидную устойчивость. Идея Фоссье, выдвинутая почти 40 лет назад, поначалу считалась относящейся лишь к французской реальности, да и то вызывала многочисленные сомнения. В настоящее время ее, хотя и с существенными оговорками, но в целом достаточно успешно распространяют на Ломбардию и Тоскану, Арагон и Каталонию, Рейнские области Священной Римской империи, а иногда и на более северные регионы. Для нас важно, что при этом община играет немаловажную роль для историков, озабоченных социальным истолкованием феномена «взлета Европы» после Тысячного года.

Отправным пунктом для моего нижеследующего экскурса стало знакомство с текстом Жозефа Морселя¹³, специалиста по германской истории, являющего собой образец французского «социологизирующего историка»¹⁴. Знание немецкого языка (по-прежнему нечастое среди французских и англосаксонских медиевистов) дало ему возможность обратиться к трудам Петера Бликле. Этот баварский историк более известен своими работами по истории Реформации, большинство которых были переведены на английский язык. В свое время его термины «революция общинного человека» и «общинная реформация» пользовались большой популярностью¹⁵. Однако его обобщающий труд, посвященный средневековому «коммунитаризму» как форме организации общества¹⁶, не получил известности

¹² *Lauwers M.* Naissance du cimetière: Lieux sacrés et terre des morts dans l'Occident médiéval. P., 2005. Тезис Фоссье о том, что от каролингской эпохи почти не осталось кладбищ, в значительной степени корректируется археологами: между Луарой и Рейном с VIII в. начинается процесс захоронения не на отдаленном участке (некрополе), а близ церкви; к середине XI в. можно говорить уже о завершении этого процесса. См.: *Treffort C.* L'Église carolingienne et la mort: Christianisme, rites funéraires et pratiques commémoratives. Lyon, 1996.

¹³ *Morsel J.* Les logiques communautaires entre logiques spatiales et logiques catégorielles (XIIe–XVe siècles) // Bulletin du Centre d'études médiévales d'Auxerre (BUCEMA). 2008. Hors série. N2: Le Moyen Âge vu d'ailleurs. [Электронный ресурс]: <http://cem.revues.org/10082> (дата доступа 28.06.2017).

¹⁴ В журнале «Средние века» мы публиковали его статью на другую тему, но дающую представление о методе и стиле данного исследователя – *Морсель Ж.* Двор или дворянство? Двор князя как «место формирования» дворянства Франконии в конце Средних веков / пер. с франц. Е.Ю. Акимовой и П.Ю. Уварова // Средние века. 2010. Вып. 71 (3–4). С. 19–31.

¹⁵ *Blickle P.* Die Revolution von 1525. München, 1975; Idem. Die Gemeindereformation. München, 1985.

¹⁶ *Blickle P.* Kommunalismus: Skizzen einer gesellschaftlicher Organisationsform. München; Oldenbourg, 2000.

за пределами Германии. Бликле видит в общине средство борьбы с сеньориальной эксплуатацией. Вместе с тем он придерживается институционального подхода, рассматривая крестьянскую общину как частный случай проявления коммунального, или «коммунитарного», движения, следуя терминологии Пьера Мишо-Кантена¹⁷. Вместе с Отто Герхардом Эксле¹⁸ Бликле выводит существование общин из взаимной клятвы мира, превращающей простое соседство в братство. Община, основанная на взаимной присяге (*conjuratio*), предусматривала взаимопомощь, улаживание внутренних конфликтов, ритуальное сотрапезничество и хранение памяти об умерших членах.

Если у Бликле община, как и коммуна, является средством сопротивления сеньориальной эксплуатации, то Крис Уикхем считает, что эти институты возникли в условиях распада каролингского социально-политического порядка, дабы как-то компенсировать вакуум власти. Уикхем убедительно показывает это на примере как Западно-франкского королевства, так и Итальянского королевства конца XI – первой половины XII в.¹⁹ При этом и Уикхем, и Эксле отмечали, что различного рода объединения – *societas*, *confratria*, *consortium*, *conventiculum*, *conjuratio* – нередко встречаются в текстах каролингской эпохи. Но обычно речь шла о запретах подобного рода незаконных «сговоров», как например *conjuraciones servorum* во Фландрии времен Людовика Благочестивого. С точки зрения Уикхема, важно, что в новых условиях распада эти неофициальные и даже осуждаемые практики превратились во вполне законные, формализованные институты.

Впрочем, вопрос о происхождении «общин» и «коммун» не лежит в центре внимания современных медиевистов.

Для Морсея более важными представляются рассуждения о роли пространственного фактора в формировании общины. Он предпочитает именовать ее *communauté d'habitants*. Правильно было бы перевести этот термин на русский язык как «община жителей»,

¹⁷ *Michaud-Quantin P.* Universitas: Expressions du mouvement communautaire dans le Moyen Âge latin. P., 1970.

¹⁸ Эксле О.Г. Гильдия и коммуна: О возникновении «объединения» и «коммуны» как основных форм совместной жизни в Европе // Эксле О.Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 136–156.

¹⁹ Помимо нескольких монографий на эту тему можно сослаться на одну из последних работ этого исследователя: *Wickham Ch.* The «Feudal Revolution» and the Origins of Italian City // *Transactions of the Royal Historical Society.* 2014. Vol. 24. P. 29–55.

но этот вариант мне представляется неудобоваримым, в силу видимой тавтологичности, если предварительно не разъяснить, кого автор понимает под «жителями». Переводить это словосочетание как «соседская община» тоже неудобно, поскольку в нашей историографической традиции так именовался определенный этап, описанный *общинной теорией*, тогда как современные западные медиевисты, кажется, не настроены вспоминать о развитии общин по Мауреру и Энгельсу. Но и термин «сельская община» не вполне подходит, ведь зачастую отделить село от города не представляется ни возможным, ни необходимым. Поэтому я решил перевести *communauté d'habitants* как «территориальная община», что, надеюсь, не сильно искажает смысл.

Морсея больше интересуют не причины и ход возникновения общины, но системные сдвиги в социуме, сопровождавшие этот процесс. Главным последствием процесса *encellulement* (*объяснения*) стала более прочная фиксация населения и, как следствие, усиление сеньориального контроля. Это не означало ни насильственного прикрепления крестьян к земле, ни запрета на перемещение с места на место. Для фиксации населения важным оказывалось не столько насилие (хотя оно, конечно, могло иметь место)²⁰, сколько предоставление хартий свобод и привилегий (франшиз) данной территории, обеспечение наследственных прав на землепользование и укрепление сакрального значения данного места за счет церкви и кладбища.

Надо сказать, что постулат о трансформации системы сельских поселений к середине XI в. далеко не всегда подтверждается археологическими данными²¹. Однако в этом нет смертельной угрозы для теории *объяснения* – реальная концентрация жилищ вокруг культового центра или замка была лишь одной из возможных форм данного процесса. При этом разбросанные жилища продолжали

²⁰ О позиции Д. Биссона по поводу сеньориального насилия см.: *Щеглов А.Д.* «Феодалная революция» и насилие...

²¹ Подробнее см.: *Дубровский И.В.* Археология и история экономики раннего Средневековья // *Средние века*. 2009. Вып. 70 (3). С. 148–162. Вообще же «рождение средневековой деревни после Тысячного года» археологически доказать непросто. Но, с другой стороны, все попытки найти археологическое соответствие «мансам» каролингских полиптиков имели еще меньший успех. Археологам остается либо отрицать генерализации историков, работающих с письменными источниками, либо заявлять о независимости друг от друга знаний историков и археологов (нечто вроде средневековой теории «двух истин»), либо же переносить плоскость разговора в иную, архео-географическую, сферу, говоря не о поселениях-агломерациях, а о сетях поселений и их территориях, системах коммуникаций, взятых в широком контексте.

существовать на западе Франции, в Скандинавии, в Норфолке, в Нижнем Арагоне, в Ломбардских предгорьях, на Нижнем Рейне. Анализ терминологии источников показывает, что это не мешало образованию здесь территориальных общин. Территориальная община не всегда предполагает наличие агломерации, но и не всякая агломерация является общиной. Важна не скученность жилищ, но поляризация пространства вокруг церквей, кладбищ и замков. Община же определяется совместным использованием конкретного пространства, имеющего хозяйственную ценность.

Термин «территориальная община» удобен для медиевистов еще и тем, что не отделяет сельскую общину от городской. Общеизвестно, что на практике отличить крупное село или бастиду от небольшого города непросто, тем более что малые и даже совсем не малые города сохраняли общинные угодья (выгоны, общинные леса и т.д.). Но Бликле обратил внимание на иной аспект близости городских и сельских общин. Разделение ремесла и сельского хозяйства в данном случае не так важно, как выраженный пространственный аспект существования общин. В городе ремесленник не просто производит и продает товары, но производит их и поставляет заказчику или на рынок именно как ремесленник такого-то города. Ремесленные цехи или, что было гораздо чаще, муниципальные привилегии не допускали на рынок ни чужаков, ни своих же «нарушителей конвенций». Таким образом, город, как и деревня, предстает в качестве места коллективного присвоения локальных ресурсов в границах своей территории. Только в одном случае это – местные угодья, в другом – местный рынок (хотя, конечно, права на свои угодья горожане также отстаивали).

Вернемся к соотношению территориальной общины и местного церковного прихода. Пересечений будет много. Община брала на себя часть расходов по строительству церквей, их содержанию и ремонту, регулировала отношения со священником, контролировала расходование части собранной десятины, предназначенной для помощи «своим бедным»²². Церковные старосты часто были формальными и неформальными руководителями общины, в более позднее время на них возлагались функции раскладки налогов. Функция спасения души, на которой настаивают немецкие исследователи, видя в ней атрибут средневекового «коммунитаризма», осуществлялась приходской общиной. Но даже если останавливаться на формальной стороне связей между людьми, приход вовсе не предполагал ни

²² *Arnoux M.* Le temps des laboureurs: Travail, ordre social et croissance en Europe (XIe–XIVe siècle). P., 2012. P. 247–248.

наличия взаимной присяги, ни формального равенства прихожан. Отнюдь не только члены данной территориальной общины могли составлять круг прихожан, поминальные службы возносились не столько за усопших членов общины, сколько за тех, кто оставил церкви вклад. Неслучайно приходская община в XI–XIII вв. никогда не обозначалась как *communitas*, *communìa*, *communiò* (в отличие от более позднего периода). Наконец, с точки зрения пространственной организации, главным в приходе был ее центр – церковь с окружающим ее кладбищем, тогда как для общины главным были ее внешние границы – *finage*.

Типовой ситуацией для сельской территориальной общины было наличие одного прихода, таково было положение и во многих мелких городах. Но в случае роста городской общины появлялись новые приходские церкви, и тогда уже о совпадении функций общины и прихода говорить не приходится. По мере усложнения церковного ландшафта в городах могла увеличиваться роль конфрерий, частично бравших на себя каритативную функцию, поддержание братской любви и улаживание конфликтов, ритуальное сотрапезничество, поминовение усопших. Отношения конфрерий с официальными церковными структурами могли быть достаточно напряженными. Но и в сельской местности, если приход объединял несколько территориальных общин, указанные функции частично могли брать на себя сельские братства.

В целом, принятые научные термины *encellulement* (*объяснение*) и *incastellamento* (*озамкование*) следует освободить от обязательного прямого (субстанциального) прочтения и придать обозначенным ими процессам значение социальное. Вовсе не обязательно непременно искать следы переселения хуторян в деревни, скученные вокруг замка или церкви. В принципе люди могли продолжать жить на своих местах, но они уже по-новому обозначали себя – не как люди такого-то монастыря или такого-то сеньора, но как жители такого-то села (а на самом деле – территории такого-то села), как члены такого-то прихода. Территориальная община являлась прежде всего способом хозяйствования. Аграрные распорядки были многообразны, но в целом они обеспечивали совместное присвоение ресурсов, заключенных в границах данного пространства (*finage*). Это проявлялось в обладании общинным выгоном, контролем общины за маршрутами выпаса скота и проч. Даже там, где отсутствовали такие коллективные аграрные практики как принудительный севооборот, совместный контроль над ирригационными и мелиоративными работами (например, во многих районах Средиземноморья

или в «краю бокажей» на западе Франции), это вовсе не означало отсутствие хозяйственных связей внутри общины. Локальная кооперация была необходима для обеспечения исключительного права на доступ к ресурсам данной территории. Повторюсь, что в случае, если речь шла о городе, то к этим ресурсам относился еще и доступ к местному рынку.

В XI–XII вв. в Западной Европе происходило освоение новых земель, велись массовые расчистки лесов, осушение болот, создавались польдеры. Устанавливалась сеть населенных пунктов, которой суждено было дожить как минимум до индустриальной революции XIX в. В этот же период шло массовое строительство храмов (пресловутое «белое кружево церквей» Рауля Глабера), возведение каменных замков. Все это было не только свидетельством глубокой социальной трансформации, но и общим ее основанием. Кольцевая причинность, по-видимому, лежала в основе процессов, обеспечивших беспрецедентный демографический подъем Запада и обретение им уникальной динамики развития.

Социальная идентичность во все большей степени обуславливалась пространственным фактором. Принадлежность к территориальной общине определялась через обладание определенными свободами: правом пользования общинным пространством, строгой фиксацией сборов, уплачиваемых сеньору. Главное, что социальный статус определялся не столько личным положением (свободный, лит, серв и проч.), сколько тем, что данный человек являлся жителем определенной территориальной общины. Иван Васильевич, герой известной комедии Леонида Гайдая, в новых условиях спросил бы Шпака не «ты чьих будешь?», а «ты откуда будешь?».

Города и бургы в этом отношении особенно показательны. Так, в 1174 г. аббат монастыря Сен-Жермен-де-Пре, сеньор бурга, окружавшего его аббатство, выдал жителям этого бурга хартию свобод и привилегий, согласно которой все прежние сборы, определявшиеся статусом человека и характером его зависимости от аббата, заменялись ежегодной фиксированной и единой для всех уплатой ценза. Иными словами, прежние сборы, носившие отпечаток личной связи с аббатом, заменялись единообразным налогом, уравнивавшим всех домовладельцев в качестве жителей данной общины.

В городах указание на то, что такой-то человек является парижским ножовщиком, гентским ткачом или лондонским шорником, указывало не только на принадлежность к определенной профессии, но еще и на способ связи данного человека с городской общиной. Надо

вспомнить, что и в «Книге ремесел», как правило, оговаривались обязанности мастеров участвовать в несении ночной патрульной службы (*guet*), в уплате тальи и иных сборов, которые прочие буржуа должны платить королю.

Процесс обретения социальными терминами пространственно-характера Морсель, как это любят делать французские «социологизирующие историки», обозначает особым термином *spatialisation*, который, следуя логике переводов терминов Тубера и Фоссье, надо бы передать как *опространствование*. На введение в оборот отечественной медиевистики нового термина пока не поднимается рука, поэтому приходится обходиться описательными конструкциями и переводить, например, выражение «*spatialisation du discours social*» как «усиление пространственного характера социального дискурса». Но, как ни называй этот процесс, он вел к установлению социальных классификаций, основанных на принадлежности к определенному месту и подчеркивавших отношения между обитателями этого пространства.

Морсель намекает на возможность установления параллелей между упомянутым выше усилением пространственного характера социального дискурса и идущим одновременно с ним переосмыслением отношения к пространству в теологии, которое выразилось, в частности, в эволюции восприятия пространства от сугубо персонализированной концепции блаженного Августина к более объективированному пониманию пространства человека как *circumstantial* – совокупности внешних обстоятельств. В это время оживились евхаристические споры о возможности пребывания тела Христова одновременно во многих местах христианского мира во время таинства пресуществления (*transsubstantiatio*)²³.

Отмеченное усиление пространственного фактора в эволюции социальных терминов вело к постепенному ослаблению родственных связей. В большинстве доиндустриальных обществ структуры родства представляют собой самую стабильную форму социальных связей, подчиняя пространство своей логике. Это, например, в свое время описывал Клод Леви-Стросс, анализируя организацию поселений индейцев Амазонки²⁴. На Западе же в рассматриваемый период родственные связи постепенно перестают быть основой для отношения к пространству. Отныне родство включается в систему пространственных отношений, а не наоборот.

²³ См.: *Raum und Raumvorstellungen im Mittelalter* / Hrsg. J.A. Aersten, A. Speer. Berlin; New York, 1998. (*Miscellanea Medievalia*; 25).

²⁴ *Леви-Стросс К. Печальные тропики* / пер. Г.А. Матвеева. М., 1984.

Этому в немалой степени способствовало установление строгой экзогамии. Каноническое запрещение браков между находящимися в родстве ближе седьмого колена провозглашалось Церковью как минимум с каролингских времен, но эффективный контроль над выполнением этого предписания со стороны духовенства стал возможным не ранее второй половины XI в., что было вызвано и григорианской реформой («папской революцией»), и оформлением приходской системы. Община также способствовала внутреннему контролю за соблюдением канонических предписаний при заключении браков: публичное оглашение брака, колоритные обряды «шаривари», направленные в том числе и на нарушителей брачных предписаний. Узы родства не исчезали, но слабели за счет укрепления малой семьи (чему способствовало и подымное обложение сеньориальными и иными поборами). Стремление Церкви утвердить «любовь к ближнему» (трактуемую в данном случае как любовь к соседу) и укрепить связи духовного родства также ослабляли кровнородственные связи. Конкуренцию родственным отношениям достаточно успешно составляли связи кумовства, членство в религиозных братствах.

Характерно, что данные процессы совпадают во времени с так называемой «антропонимической революцией» – переходом от одинарного имени, чаще всего указывавшего на принадлежность к определенному роду, к двуименной системе, где личное (как правило, христианское) имя сочеталось с «прозвищем», указывавшим в том числе и на территориальное происхождение человека²⁵.

Итак, между началом XI в. и началом XIII в. Запад предстает уже в обновленном виде. Если раньше для общества родственные связи были важнее всех прочих, а пространственные связи выступали в основном как их переменная величина, что выражалось в относительной (по сравнению с более поздней эпохой) нестабильности поселений, «кочевым» образом жизни аристократов, перекраиванием патримония при каждой смене поколений, то в конце данного периода характерными становятся фиксация жителей в системе территориальных общин и локальная укорененность аристократии, чья политика и организация связей родства подчинена сохранению сеньориальной власти над данной территорией.

Эволюция социальных категорий указывала на принципиальное изменение социальной классификации. Базовыми терминами стано-

²⁵ *Габдрахманов П.Ш.* XII век в «антропонимической революции» на территории средневековой Фландрии // Средние века. 2013. Вып. 74 (3–4). С. 78–89; *Zimmermann M.* Les débuts de la «révolution anthroponymique» en Catalogne (X^e–XIIe siècles) // Annales du Midi. 1990. Vol. 102. N189. P. 289–308.

вятся варианты слова «житель» – *habitant*, *manant*, *inwôner*, *morador*. Эта категория накладывается на обозначения различных индивидуальных статусов – сервы, свободные, госпиты, трибутарики, не отменяя их. Рождение новой социальной категории происходило на фоне пожалования сеньорами хартий «жителям» во Франции и в Испании, а в Священной Римской империи на фоне признания сеньориальных прав всей общиной или частью ее членов. Главным изменением социальной структуры становится, таким образом, противопоставление сеньоров и «жителей». Момент стабильности системе придавало прямое участие жителей сел и городов в этом процессе: во-первых, при составлении хартий свобод и привилегий (хотя мы плохо представляем, как именно шел этот процесс), во-вторых, при защите общиной своих оспариваемых прав. Хартия предоставлялась только для жителей данной территориальной общины, и это способствовало идентификации ее членов по отношению к другим. Параллельно с этим шло утверждение социальной категории *forain* – демаркация по отношению к «чужестранцу» придавала цену тому, что объединяло жителей данной общины.

Итак, с точки зрения Морселя, с которой мне хочется солидаризироваться, возможно, самой значимой зримой чертой социальной эволюции Запада было формирование территориальных общин (сельских и городских), а также иных общностей ремесел, конферрий, университетов, фундаментальным образом связанных с определенным пространством. Их появление было одновременно и показателем социальной эволюции, и важным ее средством. Изучать общину вне контекста этой эволюции не имеет смысла. С XI по XIII в. этот процесс шел с разной скоростью в разных регионах. В итоге он привел к *усилению пространственного характера социального* (*spatialisation du social*), к включению пространственного аспекта в любые социальные отношения. Пространственный характер социальных категорий был, таким образом, не отражением социальных изменений, но необходимым фактором этих изменений.

Насколько приемлема картина, предложенная Морселем? На каждый выдвигаемый им постулат можно представить множество возражений, однако внятную альтернативу предложить трудно. Кропотливые конкретные исследования диверсифицируют картину, но, как писал итальянский медиевист Сандро Кароччи, «именно источниковая углубленность и локальная направленность исследований итальянских историков объясняет их непопулярность... Особенности изысканий итальянской историографии не так просто выразить

в однозначном определении, как общий дух тренда французских медиевистов по той же теме»²⁶.

Это писалось в 1990-х годах, с тех пор «духу тренда» французских медиевистов не менее сложно дать однозначное определение. Но все же некие генерализации правомерны. По-видимому, схема Уикхэма остается вполне правдоподобной. Почти все, что приписывается новому периоду – от *conjuratio* до частных войн, повышения роли воинов, политического подчинения окрестного населения крупными землевладельцами, вершившими свой суд, практика договоров, подменявших собой законы, – в той или иной форме существовало и в каролингскую эпоху, но считалось неформальным, а то и откровенно незаконным. Но исчезновение старых («публично-правовых») форм власти и судопроизводства в условиях разрушения прежних политических систем постепенно узаконило неформальные практики. На примере возникновения коммун в Северной Италии Уикхэм показывает это достаточно убедительно. Как обстояло дело в сельской местности, докопаться гораздо сложнее – *франшизы*, *фуэро*, германские *Weistümer* фиксируют скорее результат изменений, чем их процесс. Однако с точки зрения Эксле именно сельские сообщества дали старт всему коммунальному движению Запада²⁷. Этот историк подчеркивал структурообразующую важность клятвы для образования средневековых общностей и ассоциаций разного уровня – от сельской общины до Швейцарского союза, который изначально тоже был лишь клятвенным сообществом. Среди подобного рода «гильдий» немецкий автор называет *universitas* как в широком смысле слова – единое «юридическое лицо», *persona ficta*, так и в узком – университет магистров и студентов²⁸.

Это дает повод приложить генерализирующие рассуждения об общинах к общности, о которой мы осведомлены весьма подробно. Этапы становления Парижского университета известны нам если не по дням, то по месяцам, в том числе благодаря объемному историко-просопографическому исследованию Натали Горошов²⁹. Процесс складывания университета растянулся как минимум на век.

²⁶ Цит. по: Селунская Н.А. Эта банальная банальная сеньория... С. 71.

²⁷ Эксле О.Г. Гильдия и коммуна... С. 142–148.

²⁸ Эксле О.Г. Средневековые гильдии: их самосознание и вклад в формирование социальных структур // Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 96–125 (здесь: С. 116–119).

²⁹ *Gorochov N. Naissance de l'université: Les écoles de Paris d'Innocent III à Thomas d'Aquin (1200–1245)*. P., 2012.

Спонтанное развитие парижских школ сопровождалось интенсивным взаимодействием магистров, все чаще склонявшихся к совместным действиям и в итоге пришедших к выбору доверенных лиц – прокураторов, которые должны были выражать и отстаивать коллективные интересы. К 1207–1208 гг. относятся первые сведения о взаимной присяге и выработке неких общих правил деятельности. Отношение церковных властей к этому было неоднозначным: Римские папы то поддерживали возникновение корпорации, то осуждали его. Но угроза распространения ересей в ученой среде способствовала тому, что Рим счел рождающуюся форму организации магистров и студентов удобной для организации внутреннего контроля за их деятельностью. Буллу папы Григория XI «*Parens scientiarum*» (1231 г.) называют «Великой хартией вольностей Парижского университета», но формально она больше напоминает хартию с перечислением свобод и привилегий, которую сеньор выдавал своей общине. В целом, как и везде, процесс формализации общности складывался из комбинации противоречивых интересов и ряда случайных совпадений. Но императив внешних потребностей (характерный для большинства других *конъюраций*) был налицо: необходимость противостоять внешним вызовам (со стороны горожан и королевского прево, со стороны местных церковных властей), необходимость улаживать внутренние противоречия, организовать взаимопомощь, помянуть усопших членов (об этом подробно говорилось уже в первом из известных нам университетских уставов). Этот процесс отличался тем, что его участниками были интеллектуалы, обладавшие определенными возможностями для формулировки своих требований и достаточным кругозором, чтобы заимствовать уже имеющийся опыт, в частности – опыт Болонского университета. Маловероятно, чтобы они при этом вдохновлялись примером ремесленных цехов, как на то принято указывать в популярных текстах по истории университетов, ведь цехи появятся позже. Скорее для них мог оказаться полезным опыт купеческих гильдий, или «ганз», призванных обеспечить взаимопомощь иноземцев в чужом городе, – гильдии в этот период уже существовали. Но насколько можно уподобить рождающуюся университетскую корпорацию территориальной общине? Можно ли говорить о пространственной поляризации университета, о границах территории, на которую распространяются его права?

Видимого центра у Парижского университета поначалу не было, позже эту роль в какой-то мере возьмет на себя церковь Сен-Жюльен-ле-Повр, где происходили выборы ректора. А вот угодя, как ни странно, имелись, это был большой луг Пре-о-Клер, права на

который университет ревностно отстаивал на протяжении четырех веков. За исключением этого луга, роль *finage* для университетской общины играла стена Филиппа II Августа, завершенная в 1210-х годах. Ни одна университетская коллегия не будет основана в многолюдных предместьях по ту сторону стены. Зато к нарушителям монополии на преподавательскую и иную интеллектуальную деятельность на территории Парижа университет относился нетерпимо, будь то авторы теологических трактатов или приезжие врачеватели. Только членство в университетской общине обеспечивало доступ к ресурсам. К ним относились права на разрешение преподавать, на пользование университетскими привилегиями, становящимися все более привлекательными, на получение иных «бонусов»³⁰.

В целом, на Западе наблюдалось фантастическое разнообразие видов общин, их функций и практик. Однако имелись факторы, способствовавшие их частичной унификации. К ним стоит отнести труды юристов и теологов и повседневную работу папских и королевских канцелярий, создававших общие правила и общие языки описания коммунальных и «коммунитарных» структур. На этот процесс влияла также унификация церковных структур и форм налогообложения. Но ход этой эволюции был неспешным, вариативность еще долго перевешивала тенденцию к единообразию.

Общим моментом в «коммунитарном» движении была роль арбитража и договоров – пактов. Права общин не спускались свыше, несмотря на форму октроирования хартий, но были результатом компромисса. В условиях, когда «публичная власть» не располагала возможностью установить монополию на насилие, пакты, заключавшиеся в том числе и общинами, были способом это насилие ограничить. Пакт в эту эпоху был выше закона: «*Pactum legem vincit*» – так озаглавил свою монографию участник полемики *мутационистов* и *антимутационистов* Стивен Уайт³¹. Результаты этих договоров, будучи записаны, приобретали силу «незапамятных обычаев», с которыми властям на Западе приходилось считаться.

Настало время вернуться к обсуждению монографии Л.Б. Алаева. Все хвалили его наблюдения, относящиеся к индийским общинам. При этом о юге субконтинента в средневековый период в книге говорится на 92 страницах, а о севере – на 14 страницах.

³⁰ К последним можно отнести право на включение в *rotuli nominandorum* – подаваемые университетами в папскую курию ходатайства о наделении церковными бенефициями успешных преподавателей и студентов.

³¹ *White St.D.* «*Pactum... Legem Vincit et Amor Judicium*»: The Settlement of Disputes by Compromise in Eleventh-Century Western France. Oxford, 1978.

Думается, что в этом соотношении есть и дань объективной реальности – вариативность путей развития общины на юге Индии была намного большей, чем на севере, хотя состояние южноиндийских источников оставляет желать лучшего. Некоторая тенденция к унификации проявляется лишь в империи Виджаянагар, которая возникла в борьбе с экспансией мусульманских правителей и впервые объединила «в своих пределах регионы, имевшие до того отдельные политические истории»³². При том, что правителей Делийского султаната Тимур называл «плохими мусульманами», не обеспечившими соблюдение норм ислама, на севере социально-политическое бытие предстает более унифицированным, чем на юге. Южная Индия в этом более походит на Западную Европу³³, хотя бы трудностью написания единой истории региона.

Работа над средневековым томом нашей «Всемирной истории» совпала с завершением труда известного американского специалиста по истории Юго-Восточной Азии Виктора Либермана³⁴, чья концепция оказалась созвучна некоторым идеям нашего издания. Автор не побоялся выстраивать «странные параллели», разделяя страны Евразии и Северной Африки на *открытые* и *защищенные* регионы. *Открытые* регионы были рано втянуты в драматическую евразийскую историю, оказавшись участниками «диалога» степных империй с оседлыми цивилизациями (позже места пульсации всемирной истории смещались). В истории таких регионов была велика роль насилия, государственные структуры обладали большими возможностями для принуждения, для эффективного контроля над своей территорией и унификации местных традиций. *Защищенные* регионы втягивались в «общемировую» контекст медленнее, у центральной власти было значительно меньше средств доминирования. Автор определяет складывающиеся здесь социально-политические системы как «общества хартий», в которых значительную роль

³² В империи Виджаянагар предпринимались попытки упорядочить систему управления и землевладения, государственные администраторы начинали играть более важную роль, чем местные магнаты. См.: Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю»: Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016. С. 206.

³³ Уваров П.Ю., Майзлиш А.А. [Рец. на кн.:] Алаев Л.Б. Южная Индия: Общинно-политический строй VI–XIII веков. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. 712 с. // Средние века. 2012. Вып. 73 (3–4). С. 413–420.

³⁴ Lieberman V. Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, с. 800–1830. Cambridge, 2009. Vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands.

играют различного рода договоры. Здесь власть, не имея достаточно ресурсов для принуждения, была вынуждена считаться с традициями местных общин, экономические связи играли не меньшую роль в поддержании баланса интересов, чем силовые факторы, императивом оставалось следование предписаниям сакральной традиции, зафиксированной в древних текстах.

Запад, таким образом, был не единственным *защищенным* регионом, лишенным необходимости силовой консолидации для ответа на внешние вызовы. Тем самым сохранялось многообразие и вариативность социальной жизни в условиях относительной слабости центральной власти. Развитие за счет кооперации общин разного уровня было на Западе возможным, и его не следует недооценивать³⁵. Конечно, в силу действия целого комплекса причин баланс сил между центральной властью и местным сообществами постепенно менялся в пользу Центра. Однако местные самоуправляющиеся общности вписались в новую конфигурацию власти и стали одной из составляющей «секрета Запада», проявившегося не только в его динамике, но и в его удивительной устойчивости.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамсон М.Л. Аллод // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 411–412.

Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю»: Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016.

Бартелеми Д. Двор князя и подъем рыцарского посвящения в Нормандии в XI–XII веках / пер. с франц. Е.Ю. Акимовой; под ред. А.А. Майзиш // Средние века. 2010. Вып. 71 (1–2). С. 37–49.

Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X–XI веков? // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 52–68.

Блокманс В. Об условиях эффективности соучастия в политическом управлении при Старом порядке // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 43–65.

Габдрахманов П.Ш. XII век в «антропонимической революции» на территории средневековой Фландрии // Средние века. 2013. Вып. 74 (3–4). С. 78–89.

Дубровский И.В. Археология и история экономики раннего Средневековья // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 148–162.

Леви-Стросс К. Печальные тропики / пер. Г.А. Матвеева. М., 1984.

³⁵ *Блокманс В.* Об условиях эффективности соучастия в политическом управлении при Старом порядке // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 43–65.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Морсель Ж. Двор или дворянство? Двор князя как «место формирования» дворянства Франконии в конце Средних веков / пер. с франц. Е.Ю. Акимовой и П.Ю. Уварова // Средние века. 2010. Вып. 71 (3–4). С. 19–31.

Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975.

Общности и человек в средневековой Европе / отв. ред. А.А. Сванидзе. Москва; Саратов, 1992.

Решин А.И. Дар и некоторые аспекты проблемы становления феодализма в современной медиевистике // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 3–44.

Решин А.И. Еще раз о «феодальной революции» и источниках ее изучения в монографии Д. Бартелими «Имела ли место революция тысячного года?» // Средние века. 2001. Вып. 62. С. 166–186.

Селунская Н.А. Эта банальная банальная сеньория: (специфика итальянской историографии вопроса) // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 61–74.

Уайт Стивен Д. Переосмыслить насилие: из двухтысячного года в тысячный / пер. И.В. Дубровского // Средние века. 2004. Вып. 65. С. 45–60.

Уваров П.Ю., Майзлиш А.А. [Рец. на кн.:] Алаев Л.Б. Южная Индия: Общинно-политический строй VI–XIII веков. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. 712 с. // Средние века. 2012. Вып. 73 (3–4). С. 413–420.

Щеглов А.Д. «Феодальная мутация»: шведский вариант? (Обзор материалов сборника: Birger jarls tid – en brytningstid? Stockholm, 2002) // Средние века. 2005. Вып. 66. С. 128–140.

Щеглов А.Д. «Феодальная революция» и насилие: дискуссия в журнале «Past and Present» // Средние века. 2001. Вып. 62. С. 187–194.

Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / пер. с нем. Ю.Е. Арнаутовой. М., 2007.

Arnoux M. Le temps des laboureurs: Travail, ordre social et croissance en Europe (XIe–XIVe siècle). P., 2012.

Blickle P. Die Revolution von 1525. München, 1975.

Blickle P. Die Gemeindereformation. München, 1985.

Blickle P. Kommunalismus: Skizzen einer gesellschaftlicher Organisationsform. München; Oldenbourg, 2000.

Flammarion C. L'atmosphère: Météorologie populaire. P., 1888.

Fossier R. Enfance de l'Europe, Xe–XIIe siècles: Aspects économiques et sociaux. P., 1982.

Gorochov N. Naissance de l'université: Les écoles de Paris d'Innocent III à Thomas d'Aquin (1200–1245). P., 2012.

Lauwers M. Naissance du cimetière: Lieux sacrés et terre des morts dans l'Occident médiéval. P., 2005.

Lieberman V. Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830. Cambridge, 2009. Vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands.

Michaud-Quantin P. Universitas: Expressions du mouvement communautaire dans le Moyen Âge latin. P., 1970.

Morsel J. Les logiques communautaires entre logiques spatiales et logiques catégorielles (XIIe–XVe siècles) // Bulletin du Centre d'études médiévales d'Auxerre (BUCEMA). 2008. Hors série. N2: Le Moyen Âge vu d'ailleurs. [Электронный ресурс]: <http://cem.revues.org/10082> (дата доступа: 28.06.2017).

Raum und Raumvorstellungen im Mittelalter / Hrsg. J.A. Aersten, A. Speer. Berlin; New York, 1998. (Miscellanea Medievalia; 25).

Treffort C. L'Église carolingienne et la mort: Christianisme, rites funéraires et pratiques commémoratives. Lyon, 1996.

Watteaux M. À propos de la «naissance du village au moyen âge»: la fin d'un paradigme? // Études rurales. 2003. N167–168. P. 306–318.

White St.D. «Pactum... Legem Vincit et Amor Judicium»: The Settlement of Disputes by Compromise in Eleventh-Century Western France. Oxford, 1978.

Wickham Ch. The «Feudal Revolution» and the Origins of Italian City // Transactions of the Royal Historical Society. 2014. Vol. 24. P. 29–55.

Zimmermann M. Les débuts de la «révolution anthroponymique» en Catalogne (Xe–XIIIe siècles) // Annales du Midi. 1990. Vol. 102. N189. P. 289–308.